

Зубарева Н. А.

ОПТАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОГРАНИЧИТЕЛЬНОСТИ ЖЕЛАЕМОГО

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/29.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. II. С. 83-85. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

○ Выборки по 113 мб: В украинских СМИ иноязычная лексика встречается гораздо чаще, чем в русских; особенно это касается англицизмов, латинизмов, галлицизмов, а также заимствований из польского (возможно, из-за географической близости Польши и Украины).

• Имена собственные:

○ Выборки по 4 мб: Аксенов склонен к заимствованиям из арабского и греческого, Арцбышев – к заимствованиям из немецкого, Бродский особенно часто употребляет имена из латыни, Булгаков – из французского, Грин – из польского и немецкого, Искандер – из арабского и тюркских языков, Набоков – из испанского, Семенов – из немецкого, польского и испанского, Толстой – из итальянского и французского.

○ Выборки по 8 мб: Тюрин склонен к заимствованиям из арабского и тюркских языков, Стругацкие – к заимствованиям из латыни, Булычев – из французского, польского и греческого, Фрай – из английского, Авраменко – из испанского, итальянского, английского и французского, Михайлов – из арабского, Васильев – из немецкого, польского и английского.

○ Выборки по 10 мб: В произведениях Пикуля встречается намного больше заимствований из других языков, чем в произведениях Солженицына. Единственным исключением являются имена из латыни.

○ Выборки по 106 мб: В литературных журналах встречается особенно много заимствований из греческого, латыни и немецкого. В английских детективах и боевиках встречается много имён не только английского, но и итальянского, французского и испанского происхождения. Множество имён из арабского, тюркских языков, греческого, испанского и латыни встречается в русских детективах и боевиках. В 1990-х годах увеличивалось число имён из английского, латыни, арабского, тюркских языков и польского. Общее число имён (по крайней мере, иноязычных) значительно увеличилось в постсоветской литературе, что вполне подтверждает тезис В. Белянина о растущей частоте имён в постсоветском коммуникативном пространстве [Белянин 2001]. Поскольку в английских текстах имена в среднем встречаются чаще, чем в русских, как по данным нашего исследования, так и по данным К. Швачко [Швачко 1977: 45], данную тенденцию развития русского языка можно рассматривать как ещё один признак его сближения с английским. В обеих выборках английской художественной литературы встречается относительно мало греческих, тюркских и арабских имён, относительно много – английских. В произведениях женщин иноязычные имена употребляются чаще, чем в произведениях мужчин; особенно тюркские, польские, латинские и английские.

○ Выборки по 113 мб: В украинских СМИ иноязычные имена встречаются чаще, чем в русских. Особенно это касается латинских и греческих имён.

Список использованной литературы

1. Белянин, В.П. "Русский язык: тенденции развития", Международный конгресс русистов-исследователей "Русский язык: исторические судьбы и современность", 13-16 марта 2001 года, Москва, МГУ, http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/aktual_proc.zip.

2. Лехин, И.В. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина. – 7. изд. – Москва: Русский язык, 1980.

3. Ферм, Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет) / Л. Ферм. *Studia Slavica Upsaliensia*, т. 33. – Uppsala: 1994.

4. Швачко, Т.Т. и др. Введение в сравнительную типологию английского, русского и украинского языков / Т.Т. Швачко и др. – Киев: Высшая школа, 1977.

ОПТАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОГРАНИЧИТЕЛЬНОСТИ ЖЕЛАЕМОГО

Зубарева Н. А.

Мичуринский государственный педагогический институт

Оптативные предложения (далее ОП) представляют собой тип предложений, в котором семантика желательности находит то или иное выражение [Алтабаева 2002: 9]: грамматическое или лексико-синтаксическое: *Только бы своих уберечь; Мне все хочется плакать* (Л.Толстой).

Предметом рассмотрения в нашем случае являются ОП с грамматически выраженной желательностью, где рассматриваемое нами значение реализуется с помощью одного грамматического средства – частиц, которые в зависимости от функциональной предназначенности обладают способностью либо оформлять основную семантику желательности, где ядерным показателем выступает частица *бы*: *Ты бы ложились, нянечка. Уже поздно* (А.Чехов), либо обеспечивать семантическое варьирование ситуации желательности при помощи модификаций и комбинаций частицы *бы* (*лишь бы, только бы, вот бы, хоть бы, вот если бы, хоть бы только и др.*): *«Вот бы тебе такого мужа, дочка. А?»* (А. Куприн) – желание-мечтание; *Хоть бы ты карету велел запрячь!* (Л. Толстой) – ограниченное желание; *Мгновенно соображал, решил сразу много – только б закипело дело, только б неслись, окружали, валили валом – только бы одолеть или спастись* (В. Шукшин) – интенсивное желание «избираемого и единственного, а также необходимого» [Шведова 1974: 459]; *« - Вот ежели бы ты как следует пришел бы да попросил у меня вареньица-то, а не воровски поступил, остался бы ты жив – живехонек. А то вот, господь-то и покарал!..* (Г.Успенский) – актуализируется желание-условие.

Представление и интерпретация содержания ситуации желательности посредством частицы *бы* и её модификаций, или оптативных частиц (термин Е.В. Алтабаевой) осуществляется по воле говорящего и отража-

ет все его коммуникативно-прагматические намерения, поскольку именно говорящий, располагая всей системой знаков-репрезентантов желательности, выбирает те из них, которые ему необходимы для формулировки того или иного желания. Определяющим в нашем случае является положение Н.Н. Болдырева, заключающее в себе следующее: «человеку как познающему субъекту... приписывается активная роль в выборе языковых средств выражения для описания той или иной ситуации и в понимании мотивов этого выбора» [Болдырев 2001: 18].

Вместе с тем, необходимо отметить, что семантическое осложнение желательности в плане желания-мечтания, интенсивного желания, ограниченного желания реализуется только при обязательном условии введения в ОП сочетаний (*только бы, лишь бы, вот бы, хоть бы и т.д.*), компоненты которых функционируют в структурно-семантическом единстве, т.е. частица, модифицирующая *бы*, занимает препозицию по отношению к *бы*, и составные части модификации не отделены друг от друга.

Будучи коммуникативно-речевым воплощением значения желательности, ОП могут представлять собой интерпретацию желания как желания с оттенком ограничительного выделения фрагмента желательности. Появления такого рода оттенка связано с распадом модификаций *только бы, лишь бы, вот бы, хоть бы*, что приводит к дифференциации функций: частица *бы* выражает желательность действия, а при помощи частиц *только, лишь, вот, хоть* усиливается ограничительно-выделительное или ограничительно-уступительное значение, распространяющееся на то или иное слово.

Близкие по значению и употреблению *только* и *лишь* в толковом словаре служебных частей речи Т.Ф. Ефремовой определяются, как частицы, употребляемые при ограничительном выделении из множества, соответствуя по значению словам: исключительно, единственно [Ефремова 2001: 289, 683]. Подобную трактовку данных частиц предлагает Н.Ю.Шведова, в ней значение ограничительного выделения характеризует построения со словами *только* и *лишь* [Шведова 2003: 218-221].

Следовательно, ограничительные частицы *только* и *лишь* подобно модификациям *лишь бы* и *только бы* интерпретируют семантику оптативного высказывания в плане исключительности и единственности, только в этом случае привнесенный оттенок распространяется не на все высказывание, а на определенный фрагмент желания и достигается путем усиления этого выделенного фрагмента: *Мне бы только дьячиху повидать, а тут помирать, так в ту же пору* (Д. Мамин-Сибиряк); *- Меня бы только до монастыря господь донес, - мечтал Арефа* (Д. Мамин-Сибиряк); *Только барскую спесь надо бы сбавить, - не те времена...* (А. Толстой); *Только лишь до нас не добрались бы, Только нам бы, Только б нашей не скосили, как ромашке, голы* (С.Есенин). Ср.: *Только бы были лучше меня. Вот все, чего я желаю* (Л. Толстой); *Увел бы он их поскорее отсудова – вся забота теперь: лишь бы миновать беду* (В. Шукшин) – семантика всего высказывания представляется в плане желательности «избираемого и единственного», подтверждением служит и сам контекст.

Таким образом, можно отметить, что при распаде модификаций *только бы* и *лишь бы* выделительно-ограничительные частицы *только* и *лишь* привносят в ОП значение ограничительного выделения исключительно или единственно желаемого фрагмента действительности. Специфика данного значения такова: говорящий ограничивает желаемое рамками единственно важного, значимого, необходимого.

Ограничительно-выделительная частица *хоть* также привносит в семантику желательности значение ограничительного выделения фрагмента желательности, но в этом случае отсутствует оттенок исключительности или единственности, нежели в высказываниях с частицами *только* и *лишь*: *Надо бы хоть на Дон прийти, людшками обрасти* (В.Шукшин); *Он работающий парень-то, а женился бы, он бы совсем правильный мужик был. Я бы хоть внучаток понянчила...* (В. Шукшин) – в предложениях с частицей *хоть* ограниченный фрагмент желания не представляется говорящим как единственно желаемый, а воспринимается как один из ряда возможных, выбранный по каким-то субъективным предпочтениям.

Вместе с тем, возникает необходимость провести некоторую дифференциацию значения ограниченности, привносимое в ОП модификацией *хоть бы* и частицей *хоть*.

Представление общей желательной семантики как ограниченного желания связано с модификацией *хоть бы*, когда ограничительно-выделительный оттенок осложняет значение всего предложения в целом. Само желание в этом случае представляет собой некое ограничение в каком-то отношении, не охватывающее чего-то полностью, чем сознательно удовлетворяется говорящий. Возникновение данного оттенка связано с функционированием частицы *хоть бы* в значении «по крайней мере» [Ефремова 2001: 731; Алтабаева 2002: 197], т.е. желание интерпретируется как самое меньшее из желаний, желание как минимум: *- Небось в снегу сидят, сердешные... Хоть бы уж зимой-то не воевали; Хоть бы уж попросил кого-нибудь, что ли...* (В. Шукшин).

При распаде модификации *хоть бы* ограничительная частица *хоть* распространяет свое значение на последующее слово и выделяет его: *«Что же вы, скушали бы хоть киселя» - сказала горничная Лиза* (А. Толстой); *Пожалел бы хоть подоконник-то, лежбоек* (Д. Мамин-Сибиряк) – перед нами теперь не желание как минимум, а выделяется желаемый минимум в самом желании; на первый план выходит ограничение желаемого конкретным фрагментом («*хоть киселя*», «*хоть подоконник-то*»).

Аналогичное значение ограничительного выделения обнаруживается в ОП при участии частицы *вот*, выступающей не в составе сочетания *вот бы*. Функциональная предназначенность ограничительной частицы *вот* проявляется в усилении, подчеркивании или акцентировании определенного фрагмента желательной ситуации [Алтабаева 2002: 184; Шведова 2003: 116-117]: *Был у меня в деревне сосед... Старик. Вот такого*

бы (В. Шукшин); *Мне бы вот такой маленький трактор, маленький комбайник и десять гектаров земли* (В. Шукшин); *А вот ты взял бы да и принес нам сахарных пряников* (А. Толстой) – в данных высказываниях говорящий в своем желании особо выделяет, обращает внимание на некую мысль, заслуживающую внимание. Усиливается указание либо на потенциального исполнителя, либо на желаемый объект, либо его характеристику, что обеспечивает осложнение семантики высказывания оттенком ограничительного выделения.

Ограничительное значение проявляется и в семантике контаминаций, функционирующих в ОП. Только в этом случае оно дополняет разнообразные интерпретации базового значения желательности: *У меня созревает мысль О российском перевороте, Лишь бы только мы крепко сошлись, Как до этого в нашей работе* (С. Есенин) – значение интензивного желания; - *Какой уж у нас ум, Виталий Кузьмич! Так, бродим в потемках – вот и весь наш ум. Если бы вот высшее образование, тогда другое дело...* (Д. Мамин-Сибиряк) – желание-условие; *Все благополучно, Осип Иванович... Только вот кабы дожидчек не подгадил дела* (Д. Мамин-Сибиряк) – желание-условие.

Таким образом, частицами *только, лишь, вот, хоть*, функционирующими в ОП, осуществляется представление ситуации желательности в плане ограниченности, причем данное значение может корректироваться в зависимости от коммуникативно-прагматической установки говорящего при помощи частиц, приносящих свой собственный оттенок.

Список использованной литературы

1. Алтабаева Е.В. Категория оптативности в современном русском языке. Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2002. – 230 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001.
3. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Русский язык, 2001. – 863 с.
4. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Азбуковник, 2003. – 378 с.

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ ПУБЛИЦИСТИКИ Н. М. КАРАМЗИНА

Зюзин А. В.

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Творческое наследие Н. М. Карамзина обширно и многообразно. Однако публицистика исследована в меньшей степени. Главная функция публицистики заключается в формировании и влиянии на общественное мнение в условиях конкретных исторических событий, то есть диалог (непосредственный или опосредованный). Публицистика Карамзина не исключение. Первое осмысление этой части творчества приходится на 100-летний юбилей писателя: «Он [Карамзин] был первым русским публицистом... Карамзин первый начал внимательно следить за ходом иностранной политики, и притом в применении к России, и результаты своего чтения и размышлений сообщал читателям в небольших связных и общедоступных рассказах. В этих рассказах он обыкновенно старался осмыслить частные явления в тогдашнем обще-европейском движении, следовавшем за французской революцией, и уловить с своей точки зрения общий смысл и общее направление этих частных явлений» [Лавровский 1866: 44-45]. В этом суждении как и во многих других, прежде всего обращается внимание на политическую публицистику, которая в творчестве Карамзина в большей степени представлена на страницах издаваемого им «Вестника Европы» (1802—1803 гг.). Мы же считаем, что нельзя недооценивать и другие публицистические работы Карамзина, особенно до «Вестника Европы». Именно это поможет раскрыть специфику становления публицистических жанров в творческом наследии писателя.

В свете нашей темы наиболее интересны эпистолярный и диалог. Эпистолярный жанр и жанр диалога известны с античных времен, в публицистике становятся популярными с XVIII века. В «век романа» эпистолярный жанр становится главным, так как большую часть художественной продукции того времени составляли романы в письмах романтического и сентиментального толка. Поэтому и в публицистике этот жанр занимал доминирующее положение (См. корреспонденцию журналов Аддисона и Стиля, «Персидские письма» Монтескье, «Письма из Франции» Фонвизина, письма в русских журналах того времени). «Письмо» в публицистике и составе романа ориентировано своими качествами на частное письмо, приоткрывающее потаенные стороны человеческой души, раскрывающее индивидуальность и неповторимость человека.

При помощи циклов и отдельных писем автор мог непосредственно общаться с читателем, открыто выражая свое мнение по отношению к тому или иному событию, советуя читателю, убеждая его и при этом не соблюдая строгого закона единства стиля. Следует отметить, что фигура корреспондента этих писем абсолютно условна. Настоящие авторы скрывались под псевдонимами. Иногда это имена героев античности, а иногда просто имя нарицательное. Автору было важно, чтобы читатель поверил в то, что это частная переписка, так как люди в ней высказываются более откровенно и обсуждают порой запрещенные вопросы.

В публицистике Карамзина есть как оригинальные, так и переводные публицистические работы, использующие этот прием. Прежде всего, следует отметить переписку «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору», опубликованную на страницах второй книги альманаха «Аглая» (1795 г., второе издание 1796 г.). Как замечает Ю. М. Лотман, «Карамзин, <...> чтобы выразить чувства и мысли, должен был прибегнуть к форме